

ЮЛИЯ КУДРИНА

Ф. М. Достоевский, император Александр III и русская идея

Ну что будет с Россией, если мы,
последние Могикане, умрем?

*Из письма Ф. М. Достоевского К. П. Победоносцеву
24 августа (5 сентября) 1879 года.*

Величайшие философы, писатели и ученые, композиторы и художники, творившие в России в конце XIX — начале XX века, в «эпоху мысли и разума», оставили потомкам глубочайшие философские работы, непревзойденные до сих пор произведения культуры. Среди выдающихся русских мыслителей того времени особое место занимает Ф. М. Достоевский, всемирно признанный писатель и пророк-философ. Рядом с ним, но в тени его, стоит ученый, философ, правовед, писатель — не оцененный современниками и потомками К. П. Победоносцев. Дружба и идейная близость этих людей, их влияние друг на друга, на верховную власть, а тем самым — на выбор исторического пути развития России требуют пристального внимания.

Летом 1873 года Победоносцев становится помощником Достоевского в редакции журнала «Гражданин», совместно работая над редактированием поступающих в редакцию материалов. Из письма Ф. М. Достоевского жене Анне Григорьевне от 26 июля

1873 года: «Вчера приехал Победоносцев, был в редакции, ждал меня, но я не был, и просил запиской заехать к себе в 9-м часу. Я был у него вчера и сидел до 12. Все говорил, много сообщил и ужасно просил опять сегодня приехать. Если же я буду болен, то дать ему знать, и он сам ко мне приедет сидеть. Укутал меня пледом, и так как кроме служанки в пустой квартире не было никого, то, несмотря на выбежавшую в переднюю служанку, провожал меня по трем темным лестницам вниз, со свечой в руках, до самого подъезда. На острове Вайте читал мое “Преступление и наказание” (в первый раз в жизни) по рекомендации одного лица, слишком известного тебе одного моего почитателя, который сопровождал в Англию, следовательно, дела еще не совсем плохи»¹.

Дружбой с Победоносцевым дорожили многие русские писатели, поэты, в том числе И. С. Аксаков,

¹ См. «Ф. М. Достоевский — А. Г. Достоевской. Петербург. 26 июля 1872 г.» — «Литературное наследство». 1934. № 15.

КУДРИНА Юлия Викторовна — ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, доктор исторических наук.

А. Н. Майков, А. А. Фет, Я. П. Полонский, художники В. М. Васнецов, И. Н. Крамской, композиторы П. И. Чайковский, Н. А. Римский-Корсаков и многие другие. Но дружба, возникающая у К. П. Победоносцева и Ф. М. Достоевского, носила особенный характер².

На первый взгляд эта дружба в глазах некоторых соотечественников казалась парадоксальной. Социалист и бывший каторжник, азартный игрок Ф. М. Достоевский не мог иметь ничего общего с обер-прокурором Синода, сенатором-консерватором, «противником реформ», наставником царских детей К. П. Победоносцевым. В действительности эти два человека в столь сложный момент российской истории оказались в одном политическом лагере, ибо их идейная близость была чрезвычайной.

В 1870-х годах Ф. М. Достоевский становится активным сторонником монархии, выступает за сильную государственную власть. Редактирование журнала «Гражданин», откликавшегося на все волнующие вопросы внутренней и внешней политики, общение с представителями высшей власти делают Достоевского одним из влиятельнейших людей в вопросах воздействия на общественное мнение и умы интеллигенции. В России он получает настоящую политическую трибуну. Его публицистические произведения принимают резкую идеологическую заостренность. Его философские идеи, исходившие из принципов всеславянского единения, призвания русских в Азии и на Босфоре, цивилизаторской роли России на Ближнем Востоке, приобретают большую популярность в широких общественных кругах и среди представителей верховной государ-

ственной власти³. К числу последних принадлежал и Победоносцев: из переписки двух философов видно, что последний постоянно снабжал Достоевского материалами для его «Дневника писателя», давая в каждом выпуске обстоятельную оценку ситуации. Постепенно он становится его консультантом по вопросам текущей государственной политики.

Они познакомились зимой 1871/1872 года в доме князя В. П. Мещерского и позднее регулярно встречались в петербургских салонах на его «средах», на «пятницах» у Я. П. Полонского⁴, на вечерах у великого князя К. К. Романова⁵. Но самыми творческими встречами были те, которые происходили по субботам на квартире К. П. Победоносцева на Литейном проспекте. Задушевные беседы, во время которых они обсуждали философские и религиозные проблемы бытия и мироздания, пути развития дорогой им России, а также сюжеты произведений Ф. М. Достоевского, длились далеко за полночь. «Для него исключительно у меня был назначен вечер субботний, — писал К. П. Победоносцев писателю И. С. Аксакову в дни похорон Достоевского, — и он нередко приходил проводить его вместе со мной, и своего “Зосиму” он задумывал по моим указаниям: много было между нами задушевных речей»⁶.

Великий писатель в своих корреспонденциях Победоносцеву открыто

³ См. **Ф. М. Достоевский**. Дневник писателя. М., 2009. С. 78.

⁴ Полонский Яков Петрович (1819–1898) — поэт, прозаик. Объединял вокруг себя самых разных писателей, художников, ученых, среди которых были А. А. Фет, А. Н. Майков, К. М. Фофан, С. Я. Надсон и многие другие.

⁵ Романов Константин Константинович (1858–1915) — великий князь, поэт и переводчик, подписывался криптонимом «К. Р.».

⁶ См.: «Литературное наследство». 1934. № 15; **Л. Сараскина**. Достоевский в созвучиях и притяжениях (от Пушкина до Солженицына). М., 2006. С. 295.

² См. «Константин Петрович Победоносцев и его корреспонденты. Тайный правитель России. Письма и записки, 1866–1895. Статьи. Очерки. Воспоминания». М., 2001. С. 110.

признавался, что приезжает к нему, чтобы «дух лечить» и «ловить слова напутствия», и особо подчеркивал «полную идейную солидарность». «Благодарю Вас от всей души за Ваше доброе прекрасное ободрившее меня письмо, — писал Достоевский в августе 1880 года. — Именно ободрившее, потому что я, как человек, всегда нуждаюсь в одобрении от тех, которым верю, ум и убеждения которых я глубоко уважаю... мнение таких людей как Вы — решительная для меня поддержка»⁷. Из письма от 19 мая 1880 года: «Мою речь о Пушкине я подготовил и как раз в самом крайнем духе моих (наших, то есть, осмелюсь так выразиться) убеждениях, а потому я жду, может быть, некоего поношения»⁸.

24 августа (5 сентября) 1879 года Достоевский пишет из Эмса Победоносцеву о книге «Русский инок» и в конце письма замечает: «...во всяком случае, очень беспокоюсь и очень бы желал Вашего мнения, ибо ценю и уважаю Ваше мнение очень. Писал же с большой любовью». Заключительная часть письма свидетельствовала об истинных чувствах, которые испытывал Достоевский к Победоносцеву, глубококом его уважении к нему и полном взаимопонимании: «До свидания, добрейший и искренно уважаемый Константин Петрович, дай Вам Бог много лет здравствовать — лучшего пожелания в наше время и не надо, потому что такие люди, как Вы, должны жить. У меня порою мелькает глупенькая и грешная мысль, ну что будет с Россией, если мы, последние Могикане, умрем? Правда, сейчас же и усмехнусь на себя. Тем не менее, все-таки мы должны и неустанно делать. А Вы ли не деятель?»

⁷ «Ф. М. Достоевский — К. П. Победоносцеву. 16 августа 1880 г., Старая Русса». — «Красный архив». 1922. Т. 2. С. 251.

⁸ «Ф. М. Достоевский — К. П. Победоносцеву. 19 мая 1880 г.» — Там же. С. 243.

В своих письмах Достоевский постоянно выражает свое восхищение личностью Победоносцева. Из его письма от 19 мая 1880 г.: «...за Вашу драгоценную деятельность слежу по газетам. Великолепную речь Вашу воспитанникам читал в “Московских новостях”. Примите, глубокоуважаемый Константин Петрович, уверение не только в самых искренних моих чувствах, но и в глубокой прекрасной надежде на всю пользу, которой жду, да и не я один, а все, от Вашей новой прекрасной деятельности, Ваш приверженец и почитатель Ф. Достоевский»⁹.

Как для Достоевского, так и для Победоносцева было характерно необычайно ясное и углубленное видение тогдашних процессов всемирно-исторического развития. Оба философа с поразительной остротой и глубиной осознали всю грандиозность и далеко идущие последствия той исторической ломки, которая началась в России в 1860-х годах, которые окажут на Россию и весь мир большое влияние.

Но главный вопрос, волновавший обоих философов, был связан с поиском путей дальнейшего пути развития страны. «Такой высокий организм, как Россия, должен сиять и огромным духовным значением... Одной материальной выгодой, одним “хлебом” — такой высокий организм, как Россия, не может удовлетвориться. И это не идеал и не фразы: ответ на то, что весь русский народ и все движение его в этом году... Такой народ не может внушать опасения за порядок, это не народ беспорядка, а народ твердого воззрения и уже ничем непоколебимых правил, народ—любитель жертв и ищущий правды, и знающий, где она, народ крепкий, но сильный, честный и чистый сердцем, как один из высоких идеалов его — богатырь Илья Му-

⁹ «Ф. М. Достоевский — К. П. Победоносцеву. 24 августа (5 сентября) 1879 г.» — «Литературное наследство». 1934 № 15. С. 90.

ромец, чтимый им за святого. Сердце хранителя такого народа должно радоваться на такой народ, и оно радуется, и народ про это знает»¹⁰.

В своих произведениях Ф. М. Достоевский всесторонне показал русского человека, особый склад его души и ума. Известный исследователь русского романа, служивший в те годы секретарем французского посольства в Санкт-Петербурге виконт Мельхиор де Вогиюэ, неоднократно встречавшийся с Достоевским, в своем дневнике за 1880 год после встречи с Федором Михайловичем записал высказанную писателем в совместной беседе фразу: «Мы обладаем гением всех народов и сверх того русским гением, — вот почему мы можем понять вас, а вы не в состоянии нас постигнуть»¹¹.

В романе «Братья Карамазовы» содержится пророчество Достоевского о путях и целях России. Законченная концепция «русского пути» была изложена Достоевским 8 июня 1880 года в речи на открытии памятника Пушкина в Москве, написанная не без влияния Победоносцева.

Влияние его [Ф. М. Достоевского] было великое и благодетельное.

*К. П. Победоносцев — М. Н. Каткову,
январь 1881 года.*

В 1870-х годах признание Ф. М. Достоевского в самых широких слоях русского общества, в том числе и среди молодежи разной идейной направленности, становится всеобщим. Сам писатель в письме Победоносцеву от 24 августа 1879 года называет свое литературное положение «почти феноменальным», «как человек, пишущий против

европейских начал, компрометирующий себя навеки “Бесами”, то есть ретроградством и обскурантизмом, — как этот человек, помимо всех европейских, их журналов, газет и критиков, — все-таки признан молодежью нашей, вот эту самую расшатанную молодежью, ни гилатиной и проч.? Они объявили уже, что от меня одного ждут искреннего и симпатичного слова и что меня одного считают своим руководящим писателем»¹².

Достоевского как большого писателя высоко оценивает и император. Он признает его «как выразителя своих основополагающих воззрений и предначертаний». Среди почитателей писателя оказываются и члены императорской семьи, особенно ее молодые представители, покоренные глубиной психологического таланта, гражданской и философской позицией Достоевского. Сыновья императора Александра II Сергей и Павел зачитываются произведениями Федора Михайловича и хотят лично познакомиться с ним. Знает книги Достоевского и сам царь. Он высоко ценит преданность писателя самодержавию, его мысли о необходимости воспитания молодежи в православии и высоконравственном духе. В начале 1878 года по просьбе Александра II Достоевского посещает воспитатель царских детей Д. С. Арсеньев. От имени царя он передает ему просьбу, «чтобы Федор Михайлович своими беседами повлиял благотворно на юных великих князей»¹³.

Тесные контакты сложились у Достоевского с семьей великого князя Константина Николаевича (1827—1892), второго сына Николая I. Генерал-адмирал руководил морским министерством, в 1860—1861 года являлся председателем Государственно-

¹⁰ **Ф. М. Достоевский.** Дневник писателя. М., 1876. С. 190.

¹¹ «Journal du vicomte E.-M. De Vogüé. Paris — Saint-Petersburg, 1877—1883». Paris, 1932. P. 164.

¹² «Красный архив». 1922. Т. 2. С. 246.

¹³ **См. А. Г. Достоевская.** Воспоминания. М., 1971. С. 326—328.

го совета. Из воспоминаний дочери Достоевского: «Великий князь Константин Николаевич тоже попросил моего отца повлиять на его молодых сыновей Константина и Дмитрия. Это был интеллигентнейший человек, широко европейски образованный, он хорошо воспитал своих сыновей патриотами и христианами. Дружба моего отца с молодыми князьями длилась до самой его смерти... Он любил их обоих, но отдавал предпочтение Великому князю Константину, в котором угадал будущего поэта...»¹⁴

Александр III не был ни либералом, ни реакционером, а был честный, благородный, прямой человек...

С. Ю. Вумме

Идеи Достоевского оказали большое влияние на формирование мировоззрения будущего императора Александра III. С юности великий князь Александр Александрович понял свое царственное призвание, свой царский и человеческий долг. Об этом свидетельствуют его дневниковые записи: «Бог призвал меня на это трудное и неутешительное место. В душе моей всегда было это чувство, что я не для себя должен жить, а для других; тяжелая и трудная обязанность, но “Да будет Воля Твоя, Боже”. Меня постоянно ожидает страшная и трудная обязанность и ответственность, но я не падаю духом, потому что знаю, что Господь со мною, и в трудные минуты моей жизни я уповал на Его милосердие и постоянно молюсь, чтобы Он укрепил мой дух и благословил меня на эту трудную обязанность»¹⁵.

До 1870 года цесаревич Александр Александрович высказывал весьма либеральные взгляды. Вокруг наследника престола в этот период образовался кружок, в составе которого были братья Лейхтенбергские, И. И. Воронцов-Дашков, С. Д. Шереметев, В. П. Мещерский, С. И. Велепольский. На собраниях кружка обсуждали исторические судьбы России. Признавая необходимость проведения «великих реформ», члены кружка считали, что реформы должны осуществляться в соответствии с известной уваровской триадой «Православие, Самодержавие, Народность». Все участники кружка были одушевлены мыслью о необходимости «подъема народного самосознания» и искали в прошедшем своей родины идеалы для устройства будущих судеб ее¹⁶...

По мнению писателя И. С. Тургенева, опубликовавшего во французском журнале «Обзор политики и литературы» от 26 марта 1881 года статью по поводу вступления Александра Александровича на престол, «на путь либерализма вела его (Александра Александровича. — Ю. К.) природная склонность... Он, — писал Тургенев, — казалось, был связан сердечными узами с французскими республиканцами. Сюда входило, главным образом, нескрываемое отвращение к императору Наполеону, двойственность которого, привычка к хитростям и интригам, оскорбляли все его честные инстинкты. Но когда наступила коммуна, на него нашел яростный гнев против всех делателей кровавых революций, и он не раз повторял с некоторой досадой — по поводу своих минувших убеждений: “Так вот до чего все это доводит”»¹⁷.

¹⁴ Там же.

¹⁵ «Дневник великого князя Александра Александровича. Апрель 1866 г.» — Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 677. Оп. 1. Д. 307. Л. 15.

¹⁶ См. «Константин Петрович Победоносцев и его корреспонденты». Т. 1. С. 83.

¹⁷ И. С. Тургенев. Alexandre III. — «Revue politique et litteraire». 1881. 29 mars. IV (цит. по: И. С. Тургенев. Полн. собр. соч. и писем. Т. 10. М., 1982. С. 286).

Некоторые весьма осведомленные современники в воспоминаниях свидетельствовали, что Александр III, несмотря на то, что был открытым сторонником самодержавной власти, не являлся принципиальным противником реформ своего отца. Так, воспитатель царских детей, директор Морского корпуса (1882—1886) адмирал Д. С. Арсеньев (1832—1915), отмечал, что Александр III в душе «был скорее так называемого либерального направления», сочувствовал «великим реформам» и желал их продолжения, но мешала смута¹⁸.

Публицист И. И. Колышко утверждал, что значительный поворот политического курса после 1 марта 1881 года, возможно, стал следствием стечения обстоятельств, прежде всего значительным революционным движением и убийством Александра II, а также из-за того, что на тот момент К. П. Победоносцев и Д. А. Толстой выглядели убедительнее и умнее, чем М. Т. Лорис-Меликов и Н. П. Игнатьев.

Нынешние великие силы в истории подняли дух и сердце русских людей с непостижимой силой на высоту понимания многого, чего не понимали прежде, и осветили в сознании нашем святыни русской идеи ярче, чем бы тони было до сих пор...

Из письма Ф. М. Достоевского цесаревичу Александру Александровичу. 16 ноября 1876 года.

На политической нестабильности и разгула терроризма во второй половине XIX века в России рассуждения о национальной идее в трудах философов, писателей, общественных и политических

деятели звучали все чаще и громче. Ф. М. Достоевский (в чем сходится большинство российских специалистов в области русской философии и общественной мысли) был первым философом, который ввел в литературу термин «русская идея», хотя само определение «идеи нации» вошло в российскую историко-юридическую науку впервые благодаря писателю-философу Н. Я. Данилевскому, по мнению которого, «идея нации» была идеей объединения народа в рамках национального государства. Эта идея должна была опираться как на этнографические и исторические основания, так и в значительной степени на религиозно-культурные.

Великий князь Александр Александрович познакомился с романом Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в конце 1860 года, с огромным интересом познакомил с ним и цесаревну Марию Федоровну. После выхода в свет в 1873 году отдельным изданием романа Достоевского «Бесы» Победоносцев дал понять писателю, что им интересуются цесаревич и цесаревна. По совету последнего Достоевский послал августейшей паре «Дневники писателя», а также только что опубликованный роман «Братья Карамазовы».

Ф. М. Достоевский высоко оценил деятельность цесаревича Александра Александровича в качестве председателя Комитета по сбору пожертвований в пользу голодающих Самарской губернии. 21/22 марта (2/3 апреля) 1868 года Федор Михайлович писал из Женевы поэту А. Н. Майкову: «Как я рад, что наследник в таком добром и величественном виде появился перед Россией и что Россия так свидетельствует о своих надеждах на него и о своей любви к нему»¹⁹.

¹⁸ См. **И. В. Лукоянов**. Конец царствования Александра III. — «Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX—XX веков: сборник статей памяти Валентина Семеновича Дякина и Юрия Борисовича Соловьева». Ред. А. Н. Цамутали. СПб., 1999. С. 254.

¹⁹ **Ф. М. Достоевский**. Полн. собр. соч. Л., 1988. Т. 28. Кн. 2. С. 281—282.

В конце 1871-го — начале 1872 года Достоевский написал свое первое письмо великому князю Александру Александровичу. Эта мысль была подсказана ему князем В. П. Мещерским, с которым Достоевский познакомился осенью 1871 года, а в начале 1872-го стал посещать его «среды». В это время В. П. Мещерский пользовался вниманием наследника и часто бывал в Аничковом дворце.

Вскоре Достоевский, испытывавший большие материальные затруднения, получил от цесаревича первую денежную поддержку, которая была ему крайне необходима. «Получил денег, — писал Достоевский 4 февраля 1872 года своей племяннице С. А. Ивановой, — и удовлетворил самых нетерпеливых кредиторов. Но совсем еще не расплатился, далеко от того, хотя сумму получил немалую...»²⁰

28 января 1872 года Достоевский направил второе письмо цесаревичу, в котором, в частности, говорилось: «Осмеливаюсь еще раз писать к Вашему высочеству, а вместе с тем почти боюсь выразить мои чувства: одолжающему, с сердцем великодушным почти всегда несколько тяжела слишком прямо высказываемая благодарность им одолженного, хотя бы и самая искренняя. Чувства мои смутны: мне и стыдно за большую смелость мою, и в то же время я исполнен теперь восхищения от драгоценного внимания Вашего высочества, оказанного просьбе моей. Оно дороже мне всего, дороже самой помощи, мне оказанной Вами и спасшей меня от большого бедствия...» Заканчивалось письмо словами: «С чувством беспредельной преданности осмеливаюсь пребыть Вашего императорского высочества покорнейшим слугою Федор Достоевский»²¹.

Когда в начале 1873 года вышли отдельным изданием «Бесы», Достоевский через Победоносцева послал их цесаревичу. В этом произведении писатель в предвидении судьбы России показал тех, кто готовил гибель ее, — Петр Верховенский и его сообщники из «Тайного общества» с «центральным комитетом» в Женеве, с их заветными планами в отношении русского населения: «Все рабы в рабстве равны. В крайних случаях клевета и убийство, а главное — равенство <...> мы пустим пьянство, сплетни, донос; мы пустим неслыханный разврат <...> народ пьян, матери пьяны, церкви пусты», <...> «разврата неслыханного, подленького, когда человек обращается в гадкую, трусливую, жестокую, самолюбивую мразь — вот чего надо...!»²²

10 февраля 1873 года Достоевский написал наследнику третье письмо. «Письмо это было адресовано его Императорскому Высочеству наследнику цесаревичу Александру Александровичу по следующему поводу, — писала в примечаниях к письму Анна Григорьевна Достоевская, — его Высочество всегда интересовался произведениями Федора Михайловича, в разговоре с К. П. Победоносцевым выразил желание знать, как автор “Бесов” смотрит на сие произведение. В начале 1873 года вышло отдельное издание этого романа, и тогда, через К. П. Победоносцева, Федор Михайлович поднес книгу его Высочеству, сохранив подношение выше написанным письмом»²³.

В письме Достоевского наследнику были следующие строки: «...мне льстит и меня возвышает духом надежда, что Вы, государь, наследник одного из высочайших и тягчайших жребиев в мире, будущий вожатый и властелин земли русской, может

²⁰ Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч. Т. 29. Кн. 1. С. 226.

²¹ Там же. С. 228.

²² Там же. С. 499.

²³ А. Г. Достоевская. Воспоминания. С. 334.

быть, обратив Ваше малое внимание на мою попытку, слабую, я знаю это, но добросовестную, изобразить в художественном образе одну из самых опасных язв нашей настоящей цивилизации, цивилизации странной, неестественной и несамобытной, но до сих пор еще остающейся во главе русской жизни»²⁴.

Зная через Победоносцева и Аксакова, что цесаревичу близки идеи русской самобытности, Достоевский в третьем письме объясняет, что заставило его написать роман «Братья Карамазовы». «Это — почти исторический этюд, которым я желал объяснить возможность в нашем странном обществе таких чудовищных явлений, как Нечаевское преступление. Взгляд мой состоит в том, что эти явления не случайность, не единичны, а потому и в романе моем нет ни списанных событий, ни списанных лиц. Эти явления — прямое последствие вековой оторванности всего просвещения русского от родных и самобытных начал русской жизни. Даже самые талантливые представители нашего псевдоевропейского развития давным-давно уже пришли к убеждению о совершенной преступности для нас, русских, мечтать о своей самобытности. Всего ужаснее то, что они совершенно правы; ибо раз с гордостью назвав себя европейцами, мы тем самым отреклись быть русскими. В смущении и страхе перед тем, что мы так далеко отстали от Европы в умственном и научном развитии, мы забыли, что сами, в глубине и задачах русского духа, заключаем в себе, как русские, способность, может быть, принести новый свет миру, при условии самобытности нашего развития. Мы забыли, в восторге от собственного унижения нашего, непреложнейший закон исторический, состоящий в том, что

без подобного высокомерия о собственном мировом значении никогда мы не сможем быть великой нацией и оставить по себе хоть что-нибудь самобытное для пользы всего человечества. Мы забыли, что все великие нации тем и проявили свои великие силы, что были так “высокомерны” в своем самомнении и тем-то именно и пригодились миру, тем-то и внесла в него, каждая, хоть один луч света, что оставались сами, гордо и неуклонно, всегда и высокомерно самостоятельными». Заканчивалось письмо следующими словами: «Простите мне, Всемилостивейший Государь, смелость мою, не осудите беспредельно любящего Вас и дозвольте высылать Вам и впредь ежемесячно каждый дальнейший выпуск “Дневника писателя”. С чувством благоговейного уважения осмеливаюсь назвать себя Вашего Императорского Высочества благодарным и преданным слугою. Федор Достоевский»²⁵.

16 ноября 1876 года К. П. Победоносцев по просьбе Достоевского передает цесаревичу вышедшие издания «Дневника писателя» с сопроводительным письмом, в котором говорится: «Ф. М. Достоевский просит меня представить Вам при письме его к Вашему высочеству вышедшие до сих пор номера издания “Дневника писателя”; исполняю это с охотой и притом позволяю себе обратить внимание Ваше на это издание Достоевского. В нем немало статей, написанных с талантом и с чувством. Вашего Высочества верноподданный, К. Победоносцев. 16 ноября 1876 г.»²⁶

В своем письме наследнику престола Федор Михайлович обращает его внимание на значение для России и ее культуры «русской идеи»: «Нынешние великие силы в истории русской под-

²⁴ Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч. Т. 29. Кн. 1. С. 451.

²⁵ Там же.

²⁶ «Константин Петрович Победоносцев и его корреспонденты». Т. 1. С. 98.

няли дух и сердце русских людей с непостижимой силой на высоту понимания многого, чего не понимали прежде, и осветили в сознании нашем святыни “русской идеи” ярче, чем когда бы то ни было до сих пор <...> Не мог и я не отозваться всем сердцем моим на все, что началось и явилось в земле нашей, в справедливом и прекрасном народе нашем. В “Дневнике” моем есть несколько слов, горячо и искренне вырвавшихся из души моей, я помню это...»²⁷

Цесаревич стал «почитателем» Достоевского, «почитательницей» таланта великого писателя была и 32-летняя цесаревна Мария Федоровна. Ей трижды посчастливилось встретиться с Достоевским. Первая встреча произошла 29 апреля 1880 года в Санкт-Петербурге в доме графини Менгден на Дворцовой набережной, 34, на вечере в пользу Общины сестер милосердия святого Георгия, покровительницей которого она являлась.

8 мая 1880 года в Мраморном дворце великого князя Константина Константиновича состоялся вечер Федора Михайловича Достоевского. «Ф[едор] М[ихайлович] читал из “Карамазовых”, — писал на следующий день Константин Константинович в своем дневнике. — Цесаревна всем разливала чай, слушала крайне внимательно и осталась в восхищении. Я упросил Ф[едора] М[ихайловича] прочесть исповедь старца Зосимы, одно из величайших произведений (по-моему). Потом он прочел “Мальчик у Христа на елке”. Елена (Шереметева, внучка императора Николая I. — Ю. К.) плакала, крупные слезы катились по ее щекам. У цесаревны глаза тоже подернулись влагой». На следующий день великий князь записал в своем дневнике: «Был у цесаревны — благодарит за вчерашний вечер»²⁸.

Мария Федоровна произвела яркое впечатление на Федора Михайловича. В своем письме из Москвы жене А. Г. Достоевской от 27—28 мая 1880 года Достоевский сообщал: «Я рассказал Каткову о знакомстве моем с высокой особой у графини Менгден и потом у К[онстантина] К[онстантиновича]. Был приятно поражен, совсем лицо изменилось». Жена Достоевского в своих воспоминаниях писала: «Теперь пришел его (Достоевского. — Ю. К.) черед восхищаться цесаревной. Будущая русская императрица была изумительной личностью, простой и доброй, с присущим ей даром нравиться людям»²⁹.

Мария Федоровна подробно рассказала мужу о встрече с Достоевским, который произвел на нее глубокое впечатление. Наследник давно имел намерение лично познакомиться с Федором Михайловичем. Обер-прокурор К. П. Победоносцев со своей стороны неоднократно говорил цесаревичу, что и Достоевский хотел быть принятым в Аничковом дворце. Встреча Достоевского с наследником престола и цесаревной в Аничковом дворце состоялась 16 декабря 1880 года. 9 декабря 1880 года К. П. Победоносцев писал Достоевскому: «Почтеннейший Федор Михайлович. Я предупредил письменно Великого князя, что вы завтра в исходе 12-го часа явитесь в Аничков дворец, чтобы представиться ему и цесаревне. Извольте идти наверх и сказать адъютанту, чтоб об вас доложили и что цесаревич предупрежден мною»³⁰.

Дочь писателя Л. Ф. Достоевская вспоминает об этой встрече: «Будущий Александр III очень интересовался всеми русофилами и славянофи-

²⁷ *Цит. по:* С. В. Белов. Федор Михайлович Достоевский и его окружение. Т. 1. Л., 1960. С. 25.

²⁸ «Литературное наследство». 1973. Т. 86. С. 137.

²⁹ А. Г. Достоевская. Воспоминания. С. 179—186.

³⁰ «К. П. Победоносцев — Ф. М. Достоевскому, 9 декабря 1890». — «Литературное наследство». 1934. № 15. С. 148.

лами, ожидавшими от него крупных реформ. Достоевский также хотел с ним познакомиться, чтобы поделиться своими идеями по русскому и славянскому вопросам, и отправился в Аничков дворец, который был обычно резиденцией наших наследных Великих князей. Их высочества приняли его вместе и были восхитительно любезны по отношению к моему отцу.

Очень характерно, что Достоевский, пылкий монархист в тот период жизни, не хотел подчиняться этикету двора и вел себя во дворце, как привык вести себя в салонах своих друзей. Он говорил первым, вставал, когда находил, что разговор длился достаточно долго, и, простившись с цесаревной и ее супругом, покидал комнату так, как он это делал всегда, повернувшись спиной <...> Наверное, это был единственный раз в жизни Александра III, когда с ним обращались, как с простым смертным. Он не обиделся на это и впоследствии говорил о моем отце с уважением и симпатией. Этот император видел в своей жизни так много холопских спин! Возможно, ему не доставило неудовольствия то, что в своем обширном государстве он нашел менее податливый, чем у других, хребет»³¹.

Действительно, цесаревич глубоко уважал и почитал Достоевского, «горячего проповедника, — по словам Победоносцева, — основных начал веры, народности, любви к Отечеству». Его глубокая религиозность была очень близка наследнику престола и его жене. Писатель знал о том, что цесаревич и цесаревна были его «почитателями». В своем письме к жене от 20 июля 1873 года он прямо говорил об этом. Император Александр III действительно хорошо знал про-

изведения Достоевского. Об этом, в частности, пишет в своих воспоминаниях историк И. Е. Забелин. Во время открытия Исторического музея в Москве и осмотра экспозиции музея Александр III с Марией Федоровной посетили комнату, где был размещен музей Достоевского. «...Затем пошли в комнату Достоевского. Здесь Государь и великий князь много говорили о сочинениях Достоевского... Видно, знаком с Достоевским отлично»³².

Граф С. Д. Шереметев, историк, предводитель дворянства Московской губернии, констатировал, что «Достоевскому он (Александр III. — Ю. К.) придавал большое значение». Об этом свидетельствует и письмо К. П. Победоносцева, написанное им после похорон Федора Михайловича Александру Александровичу 20 января 1881 года: «Вы знали и ценили покойного Достоевского по его сочинениям, которые останутся навсегда памятником великого русского таланта. Смерть его — большая потеря и для России. В среде литераторов он — едва ли не один был горячим проповедником основных начал веры, народности, любви к отечеству. Несчастное наше юношество, блуждающее, как овцы без пастыря, к нему питало доверие, и действие его было весьма велико и благотельно. Многие несчастные молодые люди обращались к нему как к духовнику, словесно и письменно. Теперь некому заменить его»³³.

В январе 1881 года, когда Ф. М. Достоевский умер, цесаревич и цесаревна выразили глубокое соболезнование семье покойного: «Очень и очень сожалею о смерти бедного Достоевского. Это большая потеря и

³¹ *Цит. по: С. В. Белов.* Федор Михайлович Достоевский и его окружение. С. 29.

³² **И. Е. Забелин.** Дневники. Записные книжки. М., 2006. С. 151.

³³ «К. П. Победоносцев — Александру Александровичу, 20 января 1881 г.» — «Красный архив». 1922. Т. 2. С. 252.

положительно никто его не заменит. Граф Лорис-Меликов уже докладывал сегодня государю (Александр II. — Ю. К.) об этом и просил разрешения материально помочь семейству Достоевского»³⁴. На погребение писателя была выделена большая сумма. Вдове и детям Достоевского назначена пенсия в 2 тысячи рублей, и наконец у церковных властей было получено разрешение похоронить писателя в Александро-Невской лавре. На похоронах русского писателя впервые присутствовал член императорской фамилии — великий князь Дмитрий Константинович. Об этом вспоминала вдова покойного: «На одной из панихид присутствовал юный тогда великий князь Дмитрий Константинович со своим воспитателем, что приятно поразило присутствовавших». Все это свидетельствовало о чрезвычайно уважительном отношении царской власти к великому русскому писателю.

Идеи Достоевского оказали большое влияние на формирование мировоззрения великого князя Александра Александровича, будущего императора. «Живи так, как если бы от тебя зависела судьба мира». Этой хорошо известной формуле Достоевского Александр III старался следовать всю свою жизнь. Не случайно он получил в истории имя «Царя-миротворца».

В последние годы своего правления император Александр III ко многим вопросам относился уже иначе, нежели в первые годы. Витте писал: «Я уверен в том, что император Александр III по собственному убеждению двинул бы Россию на путь спокойного либерализма; благодаря этому спокойному либерализму, при внешнем спокойствии, в котором жила Россия и в котором она продолжала бы жить

при царствовании Александра III, ибо Александр III никогда не пошел бы на авантюры <...> Россия двигалась бы постепенно к либеральному пути, т. е. к тому пути жизни государства, когда оно живет не эгоистической жизнью, а жизнью для пользы народа...»³⁵

Меня интересовало только благо моего народа и величие России. Я стремился дать внутренний и внешний мир, чтобы государство могло свободно и спокойно развиваться, нормально крепнуть, богаче и благоденствовать.

Из завещания императора Александра III сыну цесаревичу Николаю Александровичу.

Великий русский ученый Д. И. Менделеев в своей работе «Заветные мысли» дал высокую оценку вклада Александра Александровича в историческое развитие России, ибо годы правления Александра III были отмечены значительными успехами в укреплении могущества России, а также выдающимися достижениями в развитии отечественной науки и культуры. Корректировка преобразований 1860—1870-х годов сопровождалась целым рядом пусть не таких эффективных, как «великие реформы», но чрезвычайно важных социальных и экономических преобразований, способствовавших адаптации российского общества к ставшему уже необратимым процессу его капиталистической эволюции. «Люди, прожившие его (Александра III. — Ю. К.) царствование, — писал Д. И. Менделеев, — ясно сознавали, что тогда наступила известная степень сдержанной сосредоточенности и собирания сил, направленных к простой объединенной мирной внутренней деятельности...»³⁶

³⁵ С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. М., 1960. С. 408.

³⁶ Д. И. Менделеев. Заветные мысли. М., 1995. С. 23.

³⁴ «Константин Петрович Победоносцев и его корреспонденты». Т. 1. С. 43.

Тринадцать лет пребывания Александра III на престоле оказались чрезвычайно значительными и благотворными для развития культуры. Пословам известного искусствоведа и художника Александра Бенуа, оно подготовило тот расцвет русской культуры, который, начавшись при нем, продлился затем в течение всего царствования Николая II. Философ Л. А. Тихомиров по этому поводу писал: «Некоторое время процесс ослабления государства был задержан редкими личными управленческими качествами императора Александра III. Его способность надзора за бюрократическим механизмом, его замечательно русская личная натура дала возможность не только парализовать вредные стороны “пореформенного” положения, а даже вызвать подъем национального духа и творчества»³⁷.

Сравнивая время царствования Александра II и Александра III, философ К. Н. Леонтьев в беседе с Л. А. Тихомировым отмечал: «Те, кто пережил лично времена Александра III, не могут себе представить резкой разницы его с эпохой Александра II. Это были как будто две различные страны. В эпоху Александра II весь прогресс, все благо в представлении русского общества, неразрывно соединялись с разрушением исторических основ страны. При Александре III вспыхнуло национальное чувство, которое указывало прогресс и благо в укреплении и развитии этих исторических основ. Остатки прежнего антинационального, европейского, каким оно себя считало, были еще очень могущественны, но, казалось, шаг за шагом отступали перед новым, национальным»³⁸.

³⁷ Л. А. Тихомиров. *Монархическая государственность*. М., 2007. С. 163.

³⁸ См. «К. Н. Леонтьев: Pro et contra. Личность и творчество Константина Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей после 1917. Антология». Кн. 2. СПб., 1995.

Академик П. П. Семенов Тянь-Шаньский на съезде Императорского Русского географического общества в 1894 году особо подчеркнул, что в годы правления Александра Александровича в истории России пробудилась та духовная самобытность, без которой невозможна культурно-историческая жизнь никакого великого народа³⁹. При Александре III в России возникла русская опера, активно работало Русское Императорское историческое общество, во главе которого стоял сам император, было подготовлено создание русского национального театра во главе с драматургом А. Островским, состоялось открытие Императорского Исторического музея, державной волей было учреждено Русское императорское палестинское общество, воздвигнуто большое количество православных храмов не только на территории России, но и за рубежом: в Копенгагене, Иерусалиме, Женеве, Ницце и даже Аргентине.

Д. И. Менделеев особо подчеркнул, что Александр III «провидел суть русских и мировых судеб более и далее многих своих современников». Несомненно, что в этом была заслуга Федора Михайловича Достоевского, оказавшего определенное влияние на Александра III в выборе в тот период исторического пути развития России.

Православная терпимость помогла самодержавию создать и удержать в границах огромное государство — Российскую империю. «Руководимые самодержавным единством и православной терпимостью, — писал Менделеев, — мы можем и должны выполнить многое из того бесконечного, что предстоит миру еще совершить, чтобы приблизиться к идеалу общего блага»⁴⁰. ◆

³⁹ См. П. П. Семенов Тянь-Шаньский. Речь председателя ИРГО на Съезде Общества. СПб., 1890. С. 5.

⁴⁰ Д. И. Менделеев. *Заветные мысли*. С. 25.